

Вера Мельникова

**КУДА ПРИВОДЯТ
СУНДУКИ**

небольшая детективная
история

Вера Мельникова

Куда приводят сундуки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17688184

ISBN 9785447456276

Аннотация

Моя история – лирический детектив – во многом автобиографична. Действия истории происходят в центре Москвы и в старинном дачном посёлке Салтыковка. Две девушки, Вера и Ирина, ищут сундук, принадлежавший когда-то купцам Баскаковым. Найденная вещь, по странному стечению обстоятельств, хранит в своих недрах не только историю прежних владельцев, но и нынешних, не менее загадочную.

Содержание

Часть 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

40

Куда приводят сундуки

Лирический детектив

Вера Мельникова

© Вера Мельникова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга задумывалась мной как книга о приключениях. Действительно, по моей воле, на долю главных героев их выпало в достаточном количестве. Однако, когда последняя точка была мною поставлена, то моему удивлению не было предела: получилась книга о дружбе. Позже я поняла, что никакой мистики в этом нет. Дружба и приключения – это тот воздух, которым я всегда хотела наполнить свою жизнь, когда мне было столько же лет, сколько моим главным героиням. Дружба и приключения – это то, чего я желаю двум своим взрослеющим дочерям.

Итак...

Часть 1

Поздним январским вечером, не по-зимнему сырым, я бежала из гостей, от собственной бабушки – с Трифоновской улицы, через улицу Гиляровского, к метро. Помимо благотворительного визита к родственникам мне в тот день нужно было сделать ещё одно дело – для себя – посмотреть витражи на одном здании очень преклонного возраста по улице Гиляровского. Раньше в его стенах была богадельня, потом какое-то советское учреждение. Витражи не ломали. Они были ровесниками здания. Я много раз ходила здесь в детстве, с дедушкой, но почему-то не умела любоваться этими цветными стёклышками. Потом уехала жить на другой конец Москвы и забыла про них. Но в тот день решила во что бы то ни стало вернуться к метро именно через Гиляровского, хотя этот маршрут был максимально долог.

Улицы совершенно пустовали: с неба падало подобие дождя, под ногами было скользко и мокро. Просто март какой-то! Спасибо, что без ветра. Для поднятия настроения я подворовывала из красивой коробки, подаренной мне бабушкой, шоколадные конфеты в ярких фантиках...

Фонари горели исправно... Я свернула на улицу Гиляровского. Витражи были на месте: целые, красивые, хороший модерн... Конфетки тоже были вполне удовлетворительные... Я побежала дальше по улице... А потом вдруг об-

наружила себя сидящей на высоком бордюре, ограничивающим тротуар, с моей тетрадью на коленях, в которой быстрым бегущим почерком я записывала какие-то обрывки, отрывки фраз... Напротив меня был маленький дом из светлого кирпича, в два этажа... Рядом со мной стояла открытая пустая коробка; фантики от конфет, зверски скомканные, были разбросаны вокруг моих сапог... И совершенно промокла юбка, насквозь... Наверное, именно этот сырой холод вернул меня к действительности...

Что же это я? Как была у бабушки – помню, как по Трифоновской бежала – тоже прекрасно помню, как на Гиляровского к витражам свернула – я даже буквально вижу, а дальше... Я попробовала подняться – это мне далось с трудом. Ноги затекли – видимо, я сидела довольно долго. Написанные мной каракули разобрать было сложно: я всегда пишу своей любимой красной гелевой ручкой (она у меня такая быстрая и совершенно не напрягает руку) и света уличных фонарей было недостаточно, чтобы прочесть как следует текст... На первом этаже маленького домика запрыгала белая верёвка под потолком, между сохнувших простыней кто-то передвигался... Наверное, меня видели люди, живущие там, за этими окнами... И вероятно приняли за психа. Я захлопнула тетрадь, собрала мусор, перевернула мокрое пятно на юбке на бок, под сумку, висящую на плече, и пошла в сторону метро, чувствуя себя совершенно разбитой.

В вагоне я села и открыла влажную тетрадь: неужели мой

почерк мог так измениться? Может быть, я левой рукой записывала?

«Комната второго этажа была оклеена дешёвыми бумажными обоями, грязно-голубыми, в мелкий рисунок...» Какая комната? Бред какой-то...

В вагон вошла девушка. Она осталась стоять около дверей, хотя свободных мест был ассортимент. Одетая она была забавно: чёрная шляпка, чёрное мешковатое пальто с огромными карманами, длинное... К шляпке был приколот выцветший букетик искусственных цветов. Длинные соломенные волосы были небрежно заплетены в косу с тёмной лентой на конце и свободно лежали на плече девушки. Лицо совершенно без косметики. Девушка ни на кого не смотрела. Когда поезд тронулся, она достала из широкого кармана пальто небольшую записную книжку и углубилась в чтение.

«Курсистка!» – вырвалось у меня.

Девушка, к счастью, не могла этого услышать – поезд уже набрал достаточно скорости.

Вернулась я домой за полночь. Дождавшись торжественной тишины в квартире, я заперлась на кухне и опять открыла мою тетрадь:

«Комната второго этажа была оклеена дешёвыми бумажными обоями, грязно-голубыми, в мелкий рисунок. Правая стена была скошена к центру комнаты, как будто готовилась упасть на её жителей. Левая стена была целиком занята нашим гигантским буфетом, многоэтажным, я его назы-

вала Дом для посуды. Этот буфет мы заказывали в Абрамцево, его резали полгода, мама уже стала сомневаться, что нам его суждено увидеть, когда на двух подводах его доставили, разобранным на отдельные панели... По противоположной от окна стене теперь тянутся ржавые разнокалиберные трубы... Какое скудное освещение! Всего-то одна лампочка под потолком. А ведь были такие замечательные люстры! Какой-то мужчина открывает створки буфета, достаёт чашку... Рядом женщина вешает бельё... Дверной косяк у них за спиной выкрашен ярким кобальтом. Разве так можно делать? Только белым он должен быть. Только белым! На втором этаже зажигается свет. А вон и мои окошки, красивые, полукруглые, как арки. И гардины на окнах – мои... И это означает, что кто-то бессовестно залез на чердак и вскрыл мой сундук, в котором они лежали. Я так и знала: нужно было забирать с собой мой бесценный сундучок-сундучище... Ни разу я потом таких огромных не встречала! Кто знал, что не вернёмся... Ну а подъезд парадный как изуродовали? Ведь он у нас был чистой готикой! А теперь забит наглухо. Вот чудачки, им же теперь через чёрный ход ходить, как кухаркам. А на первом этаже вместо штор – одеяло на верёвочке висит в пол окна. Лучше бы уж ставни деревянные заказали у дворника... Верёвка пляшет под пёстрым бельём, и от туда кто-то на меня смотрит... Лепнину на потолке зелёным замалевали. Зачем? Художники-авангардисты здесь теперь поселились, что ли? Как же я давно здесь не была! А балов

рождественских тут больше не дают – стыдно звать...»

Я перечитала написанное – моей рукой, в моей тетради, моей же родной красной ручкой – столько раз, что выучила текст наизусть... Но понимание приключившегося со мной не приходило. Откуда я могла знать про буфет и готический парадный подъезд? И как я только вообще умудрилась обратить внимание на этот низкий неказистый домишек, где люди безрадостно теснятся в коммунальных квартирах с ржавыми трубами по стенам и, наверняка, без горячей воды, с газовыми колонками? Что привлекло моё внимание? Прыгающая бельевая верёвка? Или кто-то по голове меня ударил? Могла и сама поскользнуться, кстати говоря...

Я перебрала в голове все книги и фильмы, прошедшие через меня за последние полгода, все мои яркие сны... Ничего! Телепортация – не иначе... С другой стороны, ничего особенного не произошло, если облечь это событие в современную лексику. Я шла по переулку, задержала своё внимание на старом доме, увидела в окне какие-то предметы и мне показалось, что я жила в этом доме когда-то очень давно, и я села и записала свои мысли... Вот и всё, что произошло. Тетрадь и любимую ручку я всегда ношу с собой – школьная привычка. Ну, текст немного странноват. Ну, увлеклась, расслабилась, перестала контролировать мысли и просто записывала то, что видела, то, что чувствовала... Надо успокоиться. С каждым может случиться выпадение из реальности. Это ещё не признак сумасшествия...

У бабушки давно-давно была знакомая, подруга её матери. У старушки была одна особенность – она «отключалась», по её собственному выражению, по несколько раз в день, минут на пятнадцать – двадцать. При этом она оставалась неподвижной, внешне с ней не происходило никаких странностей... Но в эти минуты она пребывала в иной реальности – в своей. Она не слышала телефонных звонков, не реагировала на стук в дверь, не могла поддерживать разговор... Но ведь где-то она находилась в этот момент? Может быть, в своих воспоминаниях? Я была мала, чтобы спросить у неё. А потом она умерла, потому что была уже очень старой – трудно жить, когда тебе столько лет, и ты вынужден находиться попеременно в двух реальностях. Но я отлично помню, как эта бабулечка предупреждала мою бабушку и мою маму: «Звоните мне несколько раз подряд, с небольшим промежутком. Я могу отключаться, но я – дома, я жива-здорова. Я приду в себя и возьму трубку.» То есть она осознавала свои «отлучки», знала об этой своей особенности... И прожила она, кстати, очень долгую жизнь. Ну, значит, мне надо тем более успокоиться: завтра проснусь и предупрежу мою семью о своих новых способностях...

Я однажды ездила на Рижский рынок за яблоками для этой старушки, по просьбе моей бабушки. Бабушка вручила мне авоську и строго сказала брать только сорт Симиренко, который она именовала не иначе как симиринки, по природной безграмотности. Бабушка всё волновалась, что про-

давцы меня обманут. Она так и кричала мне вслед, с порога квартиры: «Смотри, чтобы не обманули!» А куда смотреть? Мне было лет восемь, не больше. Я совершенно не умела считать сдачу и не знала, как выглядят эти симиринки... Я была идеальным покупателем для рыночных торговцев. Не знаю, о чём моя бабушка думала... Лучше бы деда послала.

Покупка моя состоялась тогда. Я привезла домой то, что требовалось, но я так боялась что-то перепутать и сделать плохо, что и через восемь лет я до сих пор ясно вижу белый мраморный прилавок рынка, приходящийся мне по грудь, я стою к нему как-то боком, робко, чуть в стороне, правее от горы безымянных для меня зелёных яблок и шепчу бойкой продавщице в белом фартуке: «Это симиринка?..» Сердце прыгает очень высоко и сейчас выпрыгнет прямо через горло на прилавок, спрячется навсегда под яблоками... Я волнуюсь и стесняюсь так сильно, что даже не могу подойти к прилавку «по-человечески»: встать напротив продавца и громко задать ему вопрос в лицо... У меня внутри всё клокочет. Продавщица наполняет мою выцветшую тряпичную синюю сумку и протягивает на ручном безмене: килограмм. А внутри сумки яблок так мало! И я всю дорогу домой сомневаюсь в правоте бойкой продавщицы. Обманула, наверное...

Я тогда не знала, что килограмм яблок – это очень небольшая горка. Скорее, горсть...

И на следующий день мы с мамой поехали отдавать эти яблоки старушке. Она открыла нам дверь и отключилась.

Я помню её сидящей на кухне, за столом. Она смотрит в окно, молчит, а на лице полуулыбка. Солнечный свет хорошо падает на неё, лицо повернуто к нам в три четверти, седая, руки безвольно опущены на коленях... Вот бы мне сейчас туда, с моими красками, рисовать благородную старушку!..

Она действительно была благородной – из московской семьи врачей Покровских. Её родители владели на Сретенке ювелирным магазином, до революции... Это здание пережило в неизменном виде революцию и обе войны. Только огромные стёкла витрин время от времени бились. А старушка ходила мимо и вспоминала начало века, откуда была родом...

И я буду жить долго и счастливо не смотря на свои телепорты.

Прошло две недели. Я снова оказалась на улице Гиляровского. Теперь это было почти случайностью, то есть я не планировала заранее очередное посещение знакомой улицы. В то утро мне позвонила моя бывшая одноклассница, у которой нашлись кое-какие мои книги. Она слёзно просила приехать к ней как можно быстрее и забрать эти книги, потому что они с родителями переезжали на новую квартиру, и она была уверена, что при переезде потеряет не толь-

ко своё, но обязательно и чужое. Я решила не откладывать и поехала в тот же день.

Дом её в небольшом переулке, затерянном между проспектами Мира и Олимпийским, я искала довольно долго: последний раз я была здесь пять лет назад, меня вела от метро моя подруга. Я совершенно не запомнила дорогу, думала – не пригодится. И теперь я долго кружила, бесполезно опрашивая прохожих...

Но и покинув мою одноклассницу, уже с книгами, на обратном пути я тоже умудрилась потеряться. Наверное, пропустила нужный поворот в наступивших сумерках. И в итоге выскочила через незнакомые дворы на улицу Гиляровского. Я остановилась в раздумьях: нельзя ли будет так же дворами побыстрее попасть к метро – сумка с книгами прямо молила о необходимости маленьких колёсиков...

Я прошла мимо витражей, мимо «моего» дома, который в тот вечер как-то остался в стороне, проплыл театральной декорацией... Я даже не задержала на нём взгляд, чему обрадовалась... И вдруг – та самая девушка в чёрной шляпке из вагона метро, «курсистка», широким стремительным шагом идущая мне навстречу. Я впилась взглядом в её лицо. Она... сделала то же. Мы не сказали друг другу ни слова, но разойдясь, я обернулась ей вслед: я хотела увидеть её косу на фоне чёрного пальто (я же художник, у художников свои причуды). Девушка обернулась тоже. Взгляд её мне показался колючим. Но прекрасная светлая коса сотворила нужную

мне красивую дугу на спинке её чёрного пальто.

Я остановилась. Девушка перешла на противоположную сторону улицы и исчезла.

У меня заложило уши. Я бросилась за ней – ах, если бы не книги! Я вертелась во все стороны, как пёс, потерявший след, вынужден крутиться на месте, беспокояно тычась носом во все предметы. «След простыл»! Через минуту я поняла, что уже трижды оббегаю вокруг один и тот же дом. И этот дом – «мой», тот самый, маленький, в два этажа. И я теперь могу дотронуться до него...

Я погладила пальцами его серые грязные кирпичи. Он же был раньше из обычного красного кирпича, его зачем-то облицевали белым – уж лучше бы заштукатурили. Наверное, когда «обносили» новым кирпичом – переделали парадный подъезд... Теперь у них вход со двора. Как там у меня было написано – для кухарок? Сейчас здесь железная дверь с кнопками домофона... Бывший чёрный ход! Справа при входе должна быть каморка дворника с одним окном. Я уже не удивлялась, откуда я это знаю. С улицы это окно наглухо забито досками и железным листом – значит, там никто не живёт.

В эту секунду в двери раздалась металлическая щелчка, дверь приоткрылась, и под козырьком подъезда я увидела тонюсенькую старушенцию в шапке-ушанке и валенках с галошами. В руках она держала пустую авоську, плетёную из пеньки...

«В этой авоське не хватает стеклянной бутылки кефира с мягкой крышечкой из фольги и буханки чёрного. Не батона, а именно буханки – для завершения образа», – подумала я, улыбнувшись. Ежедневно, выходя из дома, я говорю себе: «Возьми фотоаппарат!» И тут же забываю это сделать...

– Бабуля, Вы здесь живёте, – эта наиглупейшая фраза, лишённая всякой интонации, буквально выпрыгнула из меня в промозглый московский февраль. Интересно, что я имела ввиду? И вообще, здесь ли Я сейчас нахожусь? В этом ли феврале?..

– Чего изволите? – проскрипела в ответ бабуля, поворачивая своё обрубленное ушами шапки лицо в мою сторону и одновременно вытягивая из кармана пальто очки, которые при ближайшем рассмотрении оказались настоящим пенсне.

– Чего я изволю?.. Мне нужно ваш дом посмотреть... У меня кошка вчера пропала и мне сказали, что она, возможно, в вашем подъезде... Я быстро, честное слово!

– Милочка, Вы себя слышите? Вы же белиберду несёте. Ахинею! Нет у нас ни одной кошки... Я всех подъездных кошек аннулировала ещё перед Новым годом, ревизия у меня была. Я и пионеров в прошлом веке выпроваживала, когда приходили. Макулатуры я не имею. Зачем мне пионеры без макулатуры, а? Я их довольно резко выпроваживала, без церемоний. Больше не суются, черти. Говорят, пионерскую организацию вообще аннулировали.

– Да, ещё в прошлом веке.

– Я отстала от жизни. Дайте-ка мне сейчас одну папироску.

– В смысле – курить?

– Ну! Я же за папиросками вышла. – Бабуля потрясла в воздухе пустой авоськой, одновременно грозя кому-то кулаком – пионерам, наверное, и кошкам, а заодно и городскому небу неопределённого цвета...

Вот тебе и бутылка кефира, и буханка чёрного...

– Я не курю.

– Так ведь и я не курю, милочка. Мне просто очень нужна папироска.

Отступать мне нельзя было никак. Эта старая кошёлка не только не собиралась меня впускать – она буквально встала на страже единственного подъезда как принципиальный комендант, облокотившись на железную дверь спиной и широко расставив ноги в валенках. Мне было, конечно, смешно: вот сейчас кто-нибудь будет из подъезда выходить, и бабулька полетит носом вперёд прямо до табачного ларька на проспекте Мира.

Я отошла на несколько шагов от подъезда и отвернулась, рассматривая чьи-то окошки, чтобы показать отважной женщине, что мой интерес к её крепости не так велик. Краем глаза я наблюдала за ней, а она... за мной. Эта бестолковая игра длилась минут пятнадцать. Меня посетила мысль: вдруг она в этом доме одна живёт? И только свои апартаменты, со-

ответственно, и охраняет? Но ведь я видела тогда вечером в окне мужчину и женщину... И на втором этаже свет горел... Если мне всё это, конечно, не пригрезилось...

В железную дверь подъезда изнутри очень громко дважды постучали. Старушенция отступила на шаг, а я кинулась к подъезду, оставив свои книги у стены дома. Из дома вышла та самая курсистка в шляпе, натягивая на ходу перчатки. Она видела меня. Я пролепетала ей «здрасьте», успев схватить кончиками пальцев уплывающую от меня железную дверь подъезда.

Через мгновение я была уже в абсолютно тёмной комнатке дворника. Погони не было. Моя отважная старушка, по-моему, так и не поняла, куда я делась, когда выпускала из подъезда девушку. Видимо, пенсне подвело.

В каморке нестерпимо пахло кошками. Я нащупала у входа выключатель. Под потолком зажглась тусклая лампочка, осветившая единственный предмет мебели здесь – пружинную кровать, заваленную мётлами и широкими железными лопатами для снега.

Из-под ног выскочила старая бутылка тёмно-зелёного стекла со свечным огарком внутри и чёрной ниткой... Единственное окно изнутри тоже было забито железным щитом и досками. Большой круглый стол с самоваром, конечно, исчез... Я вышла. Шесть ступенек вверх. Короткий коридор: две квартиры направо, две налево. Папа их сдавал...

Посреди коридора чугунная витая лестница на второй

этаж. Я провела пальцами по нескольким уцелевшим чугунным цветам на чугунной же лозе, обвивавшей опоры лестницы – сохранились, как приятно... Мне показалось, что мои пальцы помнят изгибы этого заморского растения... Под каждой ступенькой было выбито ажурное металлическое кружево. И я помню этот орнамент: как будто снежинки!..

Наверху хлопнула дверь. Я была уверена, что меня сейчас попросят вон. Обидно, из своего же дома и – вон. Да ещё и обругают скорее всего. И к затерявшимся кошкам здесь отношение, кажется, не респектабельное...

– Почтальон? – раздался сверху мужской бас.

– Да! Но Вам сегодня пока ничего нет! – крикнула я.

Дверь над моей головой гулко захлопнулась, в моё враньё на сей раз сразу же поверили. Я стала подниматься по лестнице на второй этаж. Меня интересовала крайняя квартира слева. Моя. Никакого конкретного плана у меня не было. Хотелось просто посмотреть и увидеть. Что именно – я не осознавала... Наверное, искала подтверждение, что я не сумасшедшая, что моя семья может не волноваться за моё психическое здоровье. Хотя, вспоминая бабульку с авоськой, мне и так было понятно, что здравый смысл был сегодня на моей стороне. Однако, судя по тому, как самоотверженно она держала оборону дома, ей, наверное, казалось, что как раз на её...

Коридор второго этажа раньше завершался высокой дву-

створчатой дверью с двойными стёклами. Летом эти двери были всегда распахнуты, через них можно было свободно пройти на крышу парадного подъезда, что так обожали делать мальчишки нашего двора в отсутствии рядом взрослых. Самые отважные из них цеплялись за чугунные перила над козырьком подъезда, потом за кованое кружево под козырьком и перебирая босыми ногами по кирпичам, прыгали вниз, на булыжники, как маленькие обезьянки. Совершить обратный путь возможно было только при помощи товарища, подставлявшего дружеское плечо. Иногда мальчишки начинали с пути «обратно», не подозревая о том, что кто-то из жильцов читал наверху газету, выставив кресло на солнце, между раскрытых дверей. Тогда смельчак получал скрученной газетой по голове и исчезал под козырьком.

Дворник каждое лето просил отца заказать решётку на эту балконную дверь или спилить с козырька перила... Но папа любил мальчишек! Теперь никакого парадного подъезда – ни с перилами, ни без. Дворник порадовался бы.

Двери были, двойные, со стёклами. И они открывались по-прежнему. Сейчас в пространстве между дверей чернели прошлогодние листья. Слева от козырька бывшего подъезда должна меня ждать моя дверь. Замочная скважина отсутствует. Есть только красивая дверная ручка из гранёного стекла в латунной оправе. Я погладила ручку – нет, не помню её, но знакомству с ней рада...

Так, что дальше? Дверь... Я перекрестилась, глубоко

вздохнула, шумно выдохнула и постучала. Я.

– Осторожно, тут заминировано, – услышала я за спиной.

Знакомая курсистка в шляпке, снимая перчатки, вопро- сительно смотрела на меня. – Вы меня преследуете?

– Не совсем...

– Да или нет?

– Если хотите – да. Вы всегда так резки в общении?

– В подобных случаях – всегда. Немедленно объясните мне, только очень чётко, что Вам от нас надо?

– Почему Вы говорите «от нас»?

– Потому что за этой дверью в данный момент находится моя мама. Ну?

– Понимаете, я очень давно жила в этом доме и вот в этой квартире.

– Насколько давно?

– Давно... В прошлой жизни... Я знаю, что это звучит по- идиотски...

– Но сейчас Вы живёте не здесь, я правильно понимаю? – девушка не меняла тона.

– Совершенно верно...

– Вот и езжайте на своё постоянное место жительства по месту вашей прописки.

– Подождите секундочку. Может быть, Вы разрешите хотя бы с порога заглянуть в квартиру? Возьмите мой паспорт, если хотите.

– Вы ненормальная. Убирайтесь вон. И не смейте больше

нас беспокоить, ясно?

– Ирина, пусть она войдёт, я требую! – за моей дверью, украшенной чудесной стеклянной ручкой, послышался не менее грубый женский голос.

Мне стало страшно: сейчас будут бить... Вот бы козырёк подъезда с перилами вернуть на место – сиганула бы, не раздумывая, не смотря на принадлежность к дамскому полу.

В этот момент на лестнице показалась знакомая шапка-ушанка: округлившаяся авоська была до отказа набита картонными пачками самых дешёвых папирос, приплюснутыми сверху двумя вафельными тортиками и несколькими жестяными банками кошачьих консервов. Шапка уверенно надвигалась на нас.

– Нам лучше сюда, – быстро процедила сквозь зубы девушка и сама распахнула передо мной желанную дверь. Изнутри дверь запиралась на солидный железный засов, которые бывают, наверное, только в тюрьмах.

– Милочки, у вас всё в порядке, помощь моя не требуется? – скрипела за дверью старушка.

– Всё хорошо, спасибо! – прогремела в ответ девица.

– Ну и славно. А я пойду кушать буржуазные предрассудки. Может, к утру и разложусь окончательно. Если что – стучите в любое время.

Ирина не отходила от двери, пока бабулька не спустилась на первый этаж, в свою квартиру, и не захлопнула за собой дверь, повернув несколько раз ключ в замке.

– Буржуазные предрассудки – это вафельные тортики, она их покупает раз в месяц, когда пенсию приносят, – пояснила Ирина, опередив мой вопрос.

– А что значит «разложиться к утру окончательно»? Она помирать собралась?

– Вот это я не знаю, как лучше толковать: она не спит до утра, старческая бессонница, и всё ест свои тортики, она их очень любит. К утру она их доедает, достигнув, видимо, максимального градуса буржуазности, и вроде как её можно считать после этого окончательно разложившейся. Но одновременно, она, вероятно, надеется помереть.

– От обжорства?

– Ей, по-моему, уже всё равно от чего, главное – побыстрее.

– А консервы кошачьи кому?

– У неё дома десять кошек.

– Да?! А она мне сказала, что подъезд от кошек теперь её стараниями свободен.

– Подъезд – свободен. Потому что все кошки у неё в квартире.

Всё это время мы с Ириной оставались стоять около двери, в маленьком огороженном «предбаннике», которого раньше здесь не было, спиной к комнате, разговаривая в пол голоса. Почему Ирина «сменила гнев на милость» – я не поняла. Но мне показалось, что она разговаривала со мной теперь как-то виновато.

– Что же никто не заходит? – прогремело из комнаты. – Вы ждёте, чтобы я сама к вам вышла? Что за гости пошли мало воспитанные!

Ирина молча указала мне рукой на комнату, опустившись на табурет у входной двери. Видимо, я должна была отдаться в лапы врагу в гордом одиночестве. И я шагнула в комнату. Боковым зрением я видела, как Ирина прислонилась затылком к стене и устало, как мне показалось, закрыла глаза.

В центре большой комнаты в кресле-качалке сидела дама неопределённого возраста, худая, в тёмном платье, абсолютно не современного фасона. На голове её был как-то художественно накручен тёмный шарф. Волос совершенно не было видно. Из-под длинного платья выглядывали босые ноги, покоившиеся на деревянной подставке кресла.

Дама, мерно покачиваясь, тщательно измеряла меня взглядом, не испытывая по всей вероятности ни малейшего стеснения за подобный вид. Кто-то тут говорил пару минут назад про дурно воспитанных гостей? Странно! Хозяева этой квартиры тоже хорошими манерами не отличались...

– Ну? Вам тоже кажется, что это окончательный декаданс? – спросила она, постукивая пальцами правой руки по подлокотнику, глаза её были слегка прищурены.

Я растерялась. Лучше бы они меня побили. Я хотела ответить ей, что это не декаданс, – она интересовалась моим мнением по поводу её внешнего вида, что было очевидно, –

а сумасшедший дом, но реакция дамы, позволяющей себе такие наряды, была совершенно не предсказуема. Я решила улыбнуться и пожала плечами.

– Я слышала ваш диалог с дочерью в коридоре. Ваш визит весьма странен, но, допустим, безобиден. Ну, не надо стоять как истукан! Вы утверждаете, что жили здесь? Тогда ходите и смотрите, и задавайте вопросы, – театрально выговаривала дама.

Я осмотрелась: много старой мебели, мне незнакомой... Мои гардины на окнах.

Дверь в другую комнату, открытая... Через этот дверной проём угадывается ещё два небольших помещения в глубине. Раньше здесь всё было совсем не так... Ирина мама показала мне жестом, что я могу пройти в эти дальние помещения. Там оказалась библиотека и кухня, делившие пополам одно окно, приходившееся на торец дома.

– Здесь не хватает сундука. У нас был большущий сундук окованный железом, – сказала я, вернувшись в первую комнату. В нём лежали вот эти гардины, – я кивнула головой в сторону окон, выходящих на Гиляровского.

– Сундук был, да, большой... И тряпки эти были именно в нём, не спорю. Но мы сундук отдали в театр как декорацию.

– В какой театр?

– Щепкина знаете?

– Актёра?

– Актёра. Он жил в деревянном домике недалеко отсюда.

– Я знаю этот дом. Его теперь берегут – он Наполеона сумел пережить. Там должен быть сейчас музей.

– Совершенно верно. Вот туда, Щепкину, мы ваш сундук и отнесли.

– Подождите, но Щепкин скончался задолго до революции. Как же Вы ему сундук отдавали?

– Вот так и отдавали: по улице несли на руках. А шторы решили себе оставить.

– Что, Щепкину они не подошли?

– Послушайте, что Вы пристали со своим сундуком? Вы меня просто утомили! Вам хочется сундуков – идите к старьевщику и купите себе их дюжину. Что Вы так на меня смотрите? Сундука она видите ли хватилась... Опоздали! Нету вашего сундука! Ну, а если и на шторы претендуете, то извольте предоставить документ о вашей собственности на них, – дама поднялась с кресла и повернулась ко мне спиной, показывая, что разговор закончен.

– Это не декаданс! – крикнула я ей в спину. – Это форменный сумасшедший дом! Неужели нельзя мне по-человечески объяснить, куда вы изволили деть мой сундук?!

– Ирина, проводи молодую гостью, – сухо сказала дама, не оборачиваясь.

– Благодарю. Я найду выход, – в том же тоне ответила я и почему-то сделала глубокий реверанс.

Совершенно не ожидала от себя таких жестов! Реверанс – откуда это у меня? Уж не заговорю ли я завтра по-француз-

ски? И не захочется ли мне рябчиков или трюфелей на ужин? А ну как выйду завтра из дома и крикну: «Извозчик!»...

Я уже подходила к метро, когда вспомнила про сумку с книгами, оставленную у стены дома на улице Гиляровского. Конечно, надо возвращаться. Маловероятно, чтобы кому-то пригодилась моя макулатура: пионерская организация осталась в прошлом веке.

В боковом окне «моей» квартиры, судя по всему на кухне, происходил грандиознейший скандал, выливавшийся на улицу вместе с радиопередачей через раскрытую форточку. Участников было двое: Ирина и её мать. Думаю, радио они включили так громко для того, что заглушить «семейную беседу». Я невольно задержалась: их ссора была явно вызвана моим визитом.

– ...и хватит так одеваться! Мне стыдно за тебя! Прекрати уже эти эксперименты с древними платьями! – кричала Ирина.

– Да? А твоё пальто?! Это же мешок для рождественских подарков! И ты в этом выходишь на улицу! Это нормально, по-твоему? А шляпка с этими идиотскими цветочками? С чьей могилы ты их сняла? – оборонялась Ирина мама.

– Щепкина!

– Ты издеваешься?!

– Беру с тебя пример!

– Ирина, пойми, эта девчонка приходила сюда сегодня не случайно. Я знала, что рано или поздно разгадка насту-

пит. Ведь она Ба-ска-ко-ва!

– Мамаша, откуда Вы это взяли? Вы даже имени её не удосужились спросить.

– А мне и не надо имени: ты что, лица её как следует не разглядела?!

– Вы больны, слышите меня? Не было никаких Баскаковых: Вы всё придумали! Все эти ваши купцы – ваша фантазия, бред!

– Ничего подобного! Это могло бы стать моим звёздным часом, если бы ты питала хоть малейшее уважение к моим научным интересам!

– Научным?! Да у Вас мания! А Вы это наукой называете!.. И прекратите босиком ходить по этим грязным полам... Учёная дама!.. Ты выходила из дома последний раз пять лет назад. Пять лет! Ты вообще знаешь, какой год за окном?

– Ирина, у каждого человека своя реальность.

– И свои звёздные часы, да?

– Да, я в это свято верю!

– Так вот: я в твоей реальности и под твоими звёздами, мама, больше пребывать не могу. Хватит!

– Ирина, куда ты?! Ирина! Пойми, я не могу видеть эти морды в лавках, ты же знаешь!

– В магазинах, мама, в ма-га-зи-нах.

– Это не меняет сути. А походы в комитет бедноты?!

– Собес.

– Ну, какая разница! Я же не могу уснуть после этого! Мне

хорошо только у себя дома, это моя крепость, ты должна проявить пиетет!..

– Вы превратили эту крепость в двухместную палату для душевнобольных. И пока я сама ещё окончательно не сбрендила, я в вашей экзотической реальности больше пребывать не желаю.

– Ирина, у каждого человека – своя реальность, слышишь меня?!

– Так, всё, хлеба у тебя на три дня хватит, грудинка – в морозилке, сыр я тебе двух сортов нарезала, не оставляй его на ночь на столе, пожалуйста.

– Ирина!!

Дальше – билась посуда. И, по-моему, ей швыряли об стену: очень уж звонко разлетались осколки, дощатый пол такую музыку не даёт...

Я ушла. Тяжело! Почему так: человек рождается нормальным, здоровым, ради счастья, а потом что-то происходит, и он начинает погружаться в себя, видит всё через какое-то кривое стекло, придумывает себе какой-то особый мир и однажды наотрез отказывается оттуда вернуться. Хорошо ещё, если он это делает в одиночестве. А если насильно помещает в свою реальность своих детей, родителей, соседей... И ведь не уйдёшь от него, и не сдашь его куда-нибудь, чтобы «подлечили»...

Не всё можно вылечить.

И теперь, выходит, что я какая-то Баскакова...

«Живёшь – до всего доживёшь» – слышала я в одном старом советском фильме, которые так любит пересматривать мой папа. Не устаю повторять эту замечательную фразу...

И дался мне этот сундук? Ну, нашла бы я его у них в квартире – что бы я стала делать? Как бы доказала, что он – мой? Силой бы отняла? Дурацкая ситуация получилась... И со стороны моё поведение выглядело даже более странно, чем поведение этой учёной дамы: она-то хоть была у себя дома...

Мимо меня, широким стремительным шагом, руки в карманах пальто, прошла в сторону метро Ирина. Я не стала её окликать. И даже не задержала взгляда на её неизменно прекрасной косе.

Владимирская электричка была утрамбована до отказа: в столице закончился рабочий день. Ирина хотела выйти на Никольской и спокойно пройтись до отцовской дачи, привести свои мысли в порядок. Но выбраться из вагона ей удалось только на Салтыковской, следующей остановке, да и то только после просьбы к стоящим в тамбуре пассажирам «подтолкнуть». Отец её не встречал, они никогда заранее не договаривались; Ирине нравилось приезжать вдруг, без предварительных звонков, она внушала себе, что едет к себе домой, и что папа непременно должен быть рад её сюрпризам...

Дома, как такового, у Ирины уже давно не было. С мамой стало жить невозможно уже тогда, когда Ирина училась в пятом классе школы. Отец годом раньше съехал от них сюда, на старую дачу, в Салтыковку, а Ирина переехала к папиной сестре, на Самотёку, где в проходной комнате ей отдали целый диван и половинку письменного стола.

На Гиляровского она больше никогда не возвращалась. Первые месяцы она вообще отказывалась навещать мать, забрав из квартиры абсолютно все свои вещи, а потом стала бывать – иногда раз в две недели, иногда чаще.

Отец уходил без ссор, без обиды, пытаясь по мере возможностей поддерживать отношения с мамой и неизменно помогая ей и Ирине деньгами... С отцом последние годы тоже стало как-то особенно, пришлось привыкать к нему заново: папа, работавший всю жизнь редактором в научном из-

дательстве, неожиданно для всех стал писать сам. Его издавали, в нём были заинтересованы... Но последние три года он не покидал своего письменного стола на большой веранде старой дачи.

В зимнее время веранда не отапливалась, и он передвигал рабочий стол на кухню, вплотную к обеденному.

Так они и жили: каждый в своей крепости, мать и отец. Ирина курсировала между ними, исполняя роль папиного литературного агента и маминого социального работника, потому что «комитетов бедноты» мать боялась, а отец не хотел терять своё драгоценное время на общественный транспорт. Но он хотя бы не боялся иногда выходить из дома: до платформы и обратно отец путешествовал самостоятельно, оставаясь, однако, при этом, внутри своих книг.

Ирина помнит, как в детстве они жили на этой даче всей семьёй в летние месяцы и иногда светлой осенью, как совершали большие прогулки по всему посёлку. Последний раз она с родителями делала такой круг пять лет назад, когда мама неожиданно приняла приглашение отца и согласилась в сопровождении Ирины приехать в Салтыковку... Было так приятно видеть обоих родителей рядом, вместе...

Той памятной осенью ей исполнилось 13 лет.

В сумерках Ирина не заметила, что её давно преследовали. От самой станции след в след за ней шла большая худая дворняга, абсолютно чёрного цвета. На что пёс рассчи-

тывал – непонятно, сумок с провизией у Ирины в тот день не было. Правда, в широком кармане пальто лежал вскрытый пакет сушек с маком, которые погрызть в электричке так и не удалось. Может быть, пёс хотел помочь ей с сушками?..

Ирина пса не замечала, занятая своими мыслями. В тот вечер в её реальности этого пса не существовало. Она шла, смотря себе чётко под ноги.

Псу, вероятно, это молчаливое преследование в какой-то момент надоело и он, ускорив шаг, поддел мордой карман её пальто – тот самый, в котором скучали сушки.

– Ого! Пёс – шоколадный нос! Сушки мои унюхал? – весело сказала Ирина, без малейшего испуга.

Пёс завилял хвостом, наострил уши. Ирина протянула ему сушку – пёс продолжал вилять хвостом, но сушки не взял. Ей даже показалось, что он отрицательно покачал головой. Значит, сушки были только предлогом.

– Тебе просто захотелось со мной познакомиться, да?

Пёс в это время кивнул, но Ирина не заметила этого движения: ехавшая по Разинскому шоссе машина на секунду ослепила её фарами.

– Давай я тебя просто поглажу, а то тебя, наверное, и погладить тут некому.

Пёс покорно подставил лоб девушке, закрыв глаза и безвольно опустив хвост.

– Ну, что же мне с тобой делать теперь? Пойдём попробу-

ем показаться моему папе – дом у нас большой... Пойдёшь?
И пёс пошёл.

На стене отцовского дома, рядом с замысловатым крыльцом, была прикреплена жестяная табличка «Дача 10 Мосдачтреста». У этого дома был совершенно другой номер, и он не был десятой дачей; эту табличку несколько лет назад сняли с другого строения, который на самом деле являлся дачей номер десять, и который каждое лето был заселяем каким-то московским ведомством своими штатными сотрудниками.

Таких казённых дач в Салтыковке было больше двух сотен. Всеми домиками заведовала организация Мосдачтрест, напоминающая о своём законном существовании маленькой припиской на каждой жестяной табличке с номерами домов: не просто дача номер десять, а дача номер десять Мосдачтреста. Но вид у всех этих домиков был всё равно совершенно заброшенный: ни одним из них уже давно не пользовались. Многие домики просматривались насквозь «благодаря» выбитым окнам и дверям, снятым с петель...

Гнилые ступени, тощие балкончики с провалившимся полом... На первом этаже была типовая застеклённая верандочка с двумя дверьми в не отапливаемые комнатки; на втором – одно душное, жаркое от раскалённой крыши помещение. Все домики были скучными, безликими, никому не нужными.

Вот с такого домика и была снята однажды эта табличка ставшая теперь раритетной.

Отец сидел на крыльце в старом садовом кресле и стругал ножом длинную палку.

– Папа, я не одна! – крикнула Ирина, открывая калитку и пропуская вперёд пса.

– Ты не поверишь, дочь: я вчера к платформе ходил за газетой...

– Ты стал читать газеты?

– Не перебивай... Нет, не стал, мне просто необходимо было пройтись с газетой, это не важно...

– А завтра ты готовишься идти с посохом?

– Допустим! Не перебивай. За мной увязался кот! Настоящий такой кот, представляешь? И тоже абсолютно чёрный...

– И ты привёл его домой?

– А куда же я его дену, по-твоему, если он идёт и в глаза мне смотрит? Вон, лежит на кухне, отогревается... А пса, конечно, помыть бы завтра... Как Москва? Как мама?

– Не без приключений обе. – Ирина опустила на верхнюю ступеньку крыльца. – У мамы сегодня была загадочная гостя... Девушка, помладше меня, довольно вежливая, одета прилично... Сказала, что жила давно в нашей квартире и просила разрешения осмотреть квартиру хотя бы с порога... Паспорт свой предлагала... Интересовалась каким-то большим сундуком, который был при ней в этой квартире... Сундука, соответственно никакого не оказалось, ты же зна-

ешь... Наша мама вместо того, чтобы сказать, что сундука не было и нет, заявила, что он был и отдан в театр актёру Щепкину... Эта девушка расстроилась, ушла... Ну а маму потом прорвало, покричали мы с ней основательно друг на друга... Посуда немного пострадала... То, что мама взорвалась – это меня не удивило, ей очень скучно, я понимаю... Но не понравилось мне то, что она очень уверенно заявила, что эта приходившая девушка, по её мнению, и есть хозяйка того сундука, и что она – какая-то Баскакова... Вот такая история! Не знаю, как к этому относиться. Я, вероятно, не имею право так говорить, но, по-моему, маме срочно нужна консультация психиатра. Или, как минимум, психолога.

– Дочь, а эта гостья не говорила, насколько давно она жила в этой квартире?

– Говорила: в прошлой жизни.

– И ты сама это слышала?

– Да.

– Она назвала своё имя?

– К сожалению, я повела себя сразу не очень вежливо...

Я не спросила!

– Ну, а мама, конечно, подавно.

– Она вообще была занята своей новой ролью.

– ?

– Она у нас теперь «окончательный декаданс».

– Так, ясно... Зря не поинтересовались именем этой де-

вушки, – Отец неожиданно стал грызть ногти, как ребёнок, который волнуется.

– Пап, ты в порядке? Или тебе тоже консультация кого-нибудь нужна?

– Мне нужно имя этой посетительницы! Очень нужно! Потому что сундук действительно был, очень большой, окованный железом. Их называли дорожными: когда собирались в дальний путь, в такие замечательные сундуки влезало очень много вещей. И они запирались основательно – можно даже было и висячий замок пристроить. В краеведческих музеях таких полно... А тот сундук мы с матерью сняли с чердака, это было ещё до твоего рождения... В нём лежали шторы... Сундук был настолько огромен, что когда у нас оставался на ночь кто-то из гостей – мы стелили ему именно на этом сундуке... И поднять сундук можно было только вчетвером... Пыли на нём было килограмм, когда мы его с чердака стаскивали. Откуда он там взялся – не знаю, мне это было тогда как-то неважно. А нашу маму находка этого сундука потрясла...

– А кроме штор больше ничего внутри не было? Двойное дно? Тайник?

– Двойное дно было. Только не дно, а боковая стенка: когда мы сундук открыли – она как-то сама расщепилась, видимо, от времени. Там была полость с целой кипой квитанций. Ну, это я их так обозвал, эти бумаги, а на самом деле, может это были какие-то чеки, накладные – не знаю... И на них

на всех стояла фамилия Баскаков. Мать пошла в Некрасовскую библиотеку, там раньше был хороший краеведческий зал. И вот по старым справочникам она выяснила, что этот дом на Гиляровского, где мы с ней жили, раньше принадлежал Баскаковым. Это была целая купеческая династия, чем занимались – не помню... По-моему, фабрики ткацкие у них где-то были... Может быть, что-то ещё – не важно... Но важно то, что они построили этот дом на свои средства, сами жили в одной из квартир, а остальные – сдавали внаём. Поэтому тот факт, что вас посетила наследница этого дома, меня совершенно не удивляет...

– Пап, я не помню никакого сундука в нашей квартире. Может быть, он был в моём детстве, но я его не запомнила.

– Очень странно! Когда я съезжал с Гиляровского, он был. Куда же мама могла его деть?

– Эта девушка задавала тот же вопрос. Мама ответила, что она его отнесла в театр к Щепкину в качестве декорации.

– Щепкин умер около тысяча восемьсот семидесятого года... Собственно, туда, куда мама якобы отнесла сундук, театра никакого не было, а был дом Щепкина, его частный дом... А теперь – музей... Всё ясно: она не захотела говорить правду... Вот тебе и история! За сундуком явилась владелица, а сундука – нет.

– И тебя не смущает то, что девушка утверждала, что она жила в этой квартире в прошлой жизни?

– Дочь, моя профессия меня окончательно испортила:

нет, не смущает! Всякое случается. Меня сейчас больше всего интересует, куда мама могла деть сундук. Допустим, она действительно отдала его в какой-то театр, но при чём здесь покойный Щепкин?.. Вам бы надо было координаты этой посетительницы взять... Дочь, я тебя прошу, если ещё раз она явится – поговори с ней, ладно? Ради маминного спокойствия... Однозначно было бы правильным вернуть этот сундук законной владелице... Только хорошо бы его сначала отыскать...

– Я поняла. Как твоя новая глава?

– Диалог не клеится. Пойдём, посмотрим. И воду заодно поставим греться для нового лохматого жильца.

В начале марта я опять заезжала к бабушке. Улицу Гиляровского я на сей раз решила сознательно обойти стороной. И чтобы даже переулков, выходящих на неё, не касаться, я поехала через метро Новослободскую.

На Селезнёвской улице, около палатки с мороженым, стояла Ирина мама, тщательно изучая ассортимент московских хладкомбинатов. На ней было длинное чёрное пальто из какой-то очень мягкой ткани, замечательно приталенное, чёрные кружевные перчатки, на голове – всё тот же чёрный шарф, живописно накрученный. В руках она держала плоский матерчатый несессер, расшитый стеклярусом, который щедро одаривал прохожих солнечными зайчиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.